

Тураева Мадина Октамовна,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва

Тураева Нурья Рыскуловна
Технологический университет Таджикистана, г. Душанбе

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ

Экономика Таджикистана, ослабленная перманентным кризисом, длящимся с начала обретения независимости, и годами гражданской войны, в полной мере ощутила на себе влияние мирового экономического кризиса, усугубившего и без того некрепкое ее состояние. В то время как все страны мира преодолевают последствия рецессии, Таджикистану необходимо как можно быстрее встраиваться в этот процесс.

В 50-60-е гг. XX в. под влиянием идей технологического детерминизма западные теоретики (рассматривая индустриальное развитие как абсолютную ценность) стали утверждать, что менее развитым странам следует прилагать максимальные усилия для копирования эволюции большинства западных обществ и непременно «модернизироваться»¹.

Практика показала, что наиболее сложными в процессе модернизации отсталых стран оказались т.н. политический и культурный аспекты. Поэтому сторонники «вестернизации» (от англ. western – западный) видели проблему в традиционных институтах и предлагали избавиться от этого тормоза в первую очередь. Параллельно, примерно в то же время, в науке появилось альтернативное направление, призывающее сторонников модернизации по западному образцу обращать внимание на культурные особенности развивающихся стран и зависимость их от традиций. Это направление называется концепцией «зависимого развития» или «депендентизмом» (от исп. dependiente – зависимый). Наиболее значимые труды сторонниками этого течения были написаны в 70-е гг.

Современная наука не рассматривает эти теории в качестве противодействующих, поскольку и первый, и второй подходы имели упущения. «Вестернизаторы» упускали из виду национальные особенности развивающихся стран, а «депендетисты» настолько увлеклись критикой своих оппонентов, что не смогли выработать качественные рекомендации переходным странам в русле своей концепции.

Перед Таджикистаном, на наш взгляд, стоит аналогичная проблема. С одной стороны, понятно, что соответствие западному образу развитого капитализма давно является целью всех пост социалистических стран. С другой – опыт малоуспешного восстановления реального сектора экономики и развития сельского хозяйства, а также отсутствие фактических успехов в борьбе с бедностью в республике вынуждают искать иные формы социально-экономической модернизации. Таджикистану необходимо как можно скорее преодолеть кризис и изменить траекторию своего развития из нисходящей в восходящую. Имеется ли у республики «резерв» для такой модернизации?

Общепризнанно, что способность к инновациям и переменам институциональной системы, традиционная для европейских стран, на «азиатской почве» трансформируется и обрывает особенностями, ставящими под сомнение вероятность этих перемен. Ясин Е.Г. и Снеговая М.В. выделяют 4 основных «культурных» фактора, мешающих модернизации современного Китая. Это: развитая бюрократия, неразвитые отношения собственности (на

ресурсы), несовершенная правовая система, распространенные родственные отношенияⁱⁱ. Все 4 фактора очень явно и «по умолчанию» присущи современному Таджикистану.

Вместе с тем, в науке уже закрепилось понятие т.н. среднеазиатскогоⁱⁱⁱ типа «фамилизма»^{iv}, включающее наличие развитого института «рода-клана», высокую степень коррупции, отсутствие прозрачности, значительный объем неформальной экономики, несовершенства правовой системы, а также традиционную для стран региона авторитарность политических систем. Подчеркнем, что упомянутые особенности характерны в той или иной степени для всех стран Центральной Азии. Пока что примеров благополучной и полной модернизации европейского образца, примененной в какой-либо из бывших азиатских республик СССР, нет. Однако это лишь подтверждает, что национально-психологические особенности и своеобразная ментальность «азиатов»^v не гарантируют успешности внедрения европейских инноваций и перемен институциональной системы.

Кроме этого, нельзя сбрасывать со счетов исторический контекст. Средняя Азия всегда отличалась непрекращающимися междоусобицами, борьбой за власть и правами над ресурсами. Регион всегда являлся краем с быстро растущим, небогатым населением, и значение сельского хозяйства здесь трудно переоценить. Поэтому борьба за ограниченные природные ресурсы - землю и воду исторически определяет не только геополитику стран региона, но и внутренние политические изменения. Чередующиеся смены власти^{vi} в современном Кыргызстане лишь иллюстрирует и подтверждает сказанное. К счастью, население Таджикистана, прошедшее через кровавый гражданский конфликт, не рассматривает революции как метод модернизации и шанс изменить свою жизнь к лучшему. Тем не менее, необходимость скорейшего выхода республики из затянувшегося кризиса и преодоление социально-экономической напряженности очевидна.

Некоторые исследователи склонны видеть резерв для модернизации в традициях и обычаях. Например, профессор Аузан А. и его коллеги^{vii} советует тем странам постсоветского пространства, у которых не очень сильный банковский сектор, но есть т.н. «запасы традиционных социальных связей», создавать на основе традиционных сетей кредитные союзы, общества взаимного страхования, больничные кассы. Ученые СИГМЫ признают, что это приведет к созданию кланов, которые будут блокировать развитие, контролируя разные министерства, и предлагают вместе с этим создавать «административные системы, когда имеются правительственные национальные хозяйственные агентства с пересекающимися разрешительными полномочиями».^{viii} Т.е. предлагается культивировать конкурентную борьбу между этими кланами с одной стороны, и между кланами и национальными агентствами с другой.

Мы полагаем, что в случае Таджикистана, эти рекомендации не сработают. Во-первых, в структурировании таджикского общества (в отличие, к примеру, от казахского или кыргызского) нет конкурирующих кланов/родов. Во-вторых, сеть кредитных организаций (официальная), развита в республике очень хорошо и без использования традиционной платформы. В-третьих, «правительственные национальные хозяйственные агентства» в Таджикистане, (т.е. ведомства - министерства, госкомитеты, агентства) не являются настолько самостоятельными структурами, чтобы проводить самостоятельную политику, или участвовать в конкурентной борьбе.

В последнее время исследователи предлагают внедрять в Таджикистане принципы исламской экономики^{ix}, мотивируя это, во-первых, примерами большей устойчивости исламских банков во время последнего кризиса, во-вторых, растущим значением мусульманских ценностей в таджикском обществе. Мы считаем, что это не вполне применимо к республике. На наш взгляд, большая устойчивость исламских банков

объяснима тем, что запрет на «риба»^x в исламе не позволяет банкам заниматься ценными бумагами, т.к. это приравнивается к спекулятивным операциям. С этой точки зрения, таджикские коммерческие банки ввиду отсутствия национального фондового рынка и своей изолированности от мирового финансового рынка защищены от потрясений последнего.

Что касается исламских ценностей, то мы полагаем, что в Центральной Азии нет таких особенностей и уникальных дискурсов, в рамках которых можно было бы рассматривать ислам региона, как определяющий образ жизни и ведения хозяйства. Ислам тут маргинальный и служит скорее инструментом самоидентификации. Мы считаем, что при переходе от командной экономики к рыночному хозяйству фактор религии, который оказывает растущее влияние на современное таджикское общество, в настоящее время на экономику республики прямо не влияет. Однако опосредованное влияние «отката к традициям» (мифология и обрядовость), считаем, все же присутствует, т.к. приверженность к традициям, обрядовости в итоге тормозит инновационное развитие общества в целом. Похожую точку зрения выражает Васильев Л., который считает, что институциональные и культурные изменения проходят в исламской консервативной среде с трудом и сопротивлением^{x1}.

Таким образом, мы не видим смысла внедрения в Таджикистане исламских финансовых инструментов. С одной стороны, в современном таджикском обществе нет понимания такого рода продуктов банкинга и культуры их использования (на это могут уйти годы). С другой стороны, в последнее время государственная политика в области религии направлена как раз на то, чтобы уменьшить влияние духовных лидеров, и поддержка искусственного развития исламских банков может привести к конфликту между разными уровнями государственного управления.

В целом, теоретических подходов к модернизации в широком смысле (не только экономики, но и общества в целом) существует, по крайней мере, три:

1. Военно-техническая модернизация, требующая неперенной общественной модернизации и значительных инвестиций в образование для того, чтобы в стране были те люди, кто сможет в итоге «применять» инновационные технологии и работать с ними;
2. Консолидация общества вокруг некой национальной идеи. Успех такой модернизации будет, безусловно, зависеть от того, насколько удачная идея выбрана (вообще, консолидация вокруг национальной идеи, основанной именно на национальной идентичности того или иного народа, имеет мало успешных примеров, особенно в восточных обществах);
3. Инвестирование в социальный капитал и человеческое развитие. Считается, что если развивать человеческий капитал, естественным последствием станет многоуровневая модернизация общества.

Мы считаем, что второй подход к модернизации в Таджикистане в настоящее время не применим. Суррогатами национальной идеи частично выступали уже как официальные (но не вполне эффективные), так и неофициальные (и откровенно опасные) идеи. К числу первых можно отнести сбор средств на народную стройку Рогунской ГЭС^{xii} или педалирование темы «арийской избранности» таджиков. Ко вторым мы бы отнесли религиозную экспансию в таджикском обществе (самоидентификация по признаку ислама) и увеличивающиеся «анти-узбекские» настроения. Полагаем, что сформулировать национальную (не националистическую!) идею, способную сплотить народ Таджикистана и активно вовлечь его в процесс всесторонней модернизации, в сложившейся ситуации

невозможно. Для этого сейчас нет ни ресурсов, ни соответствующего общественного энтузиазма, ни реальных предпосылок.

Таким образом, очевидно, что инновационное развитие в Таджикистане должно базироваться либо на первом, либо на третьем подходе. Оба эти подхода объединяет, в частности, немедленная и острая необходимость пересмотра подходов к развитию образования и существенных инвестиций в эту сферу. Вместе с тем, первый подход требует значительных материальных затрат, финансирование которых, учитывая многолетнее кризисное состояние экономики Таджикистана, практически неосуществимо.

В связи с этим, наиболее подходящим для скорейшей модернизации республики мы находим третий подход. Считается, что если руководители стран не желают «выращивать» новые, нетрадиционные институты, и даже подчеркивают превосходство национальных ценностей, то тогда в развитии этого государства будут возникать большие трудности^{xiii}. Мировой опыт доказывает, что при переходе к инновационному обществу традиционность и живучесть ценностей в принципе преодолимы (в отличие от неких природных особенностей). Главным образом, для этого нужны значительные инвестиции в развитие так называемого человеческого капитала, в первую очередь в образование и здравоохранение.

ⁱ Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. – М.: «Экономика», 2000. – С. 9-10.

ⁱⁱ Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике. Что скажет фактор культуры. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009. - С.53.

ⁱⁱⁱ Здесь: термины «Средняя Азия» и «Центральная Азия» рассматриваются как синонимы

^{iv} Харрисон Л. Кто процветает? М.: Изд.фонда «Либеральная миссия»: Новое изд-во, 2008. – С. 21

^v Здесь: мы имеем в виду именно регион Центральной Азии, а не Азию как таковую

^{vi} Революции 2005 и 2010 гг.

^{vii} Российская исследовательская организация «Группа экономистов СИГМА», URL: www.sigma-econ.ru

^{viii} Аузан А. Национальная формула модернизации // Новая Газета, URL: http://www.novayagazeta.ru/data/?auth=5922&sb_a=1

^{ix} Например, Умаров Х.У. Кризис в Таджикистане. Глубина действия. Формы проявления. Пути преодоления. – Душанбе: «Ирфон», 2010. - С.204-206., Алишоев Х.Х. Концептуальные основы учений об исламской экономике: Автореф. дисс. канд. эк. наук. Душанбе, 2009. - 29 с.

^x Ссудный процент

^{xi} Васильев Л.С. Всеобщая история: учеб. пособие: в 6 т. Т. 2: Восток и Запад в средние века. М.: Высш. шк., 2007. - С. 182-189.

^{xii} Массовое, и не всегда добровольное, размещение акций ОАО «Рогун»

^{xiii} Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике. Что скажет фактор культуры. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009. - С.90-91.